

М. Н. Загоскин

**Юрий Милославский, или
Русские в 1612 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
3-14

3-14 **Загоскин М.Н.**
Юрий Милославский, или Русские в 1612 году / М. Н. Загоскин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 222 с.

ISBN 978-5-4241-1868-5

Действие романа происходит в XVII веке, в годы, которые вошли в историю России как одна из ярких страниц борьбы за ее независимость. Вымышленные происшествия романа "без насилия", по словам А. С. Пушкина, входят "в раму обширнейшую происшествия исторического". Заметное место в романе отведено таким событиям, как организация нижегородского ополчения по главе с Кузьмой Мининым и Д. М. Пожарским, освобождению Москвы от интервентов в 1612 году и другим.

ISBN 978-5-4241-1868-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© М.Н. Загоскин, 2024

Михаил Николаевич Загоскин
Юрий Милославский, или
Русские в 1612 году

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН М. Н. ЗАГОСКИНА «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ»

»

В комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» есть такая сцена: Анна Андреевна, супруга городничего, спрашивает завравшегося Хлестакова: «Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?» – «Да, это мое сочинение», – отвечает Хлестаков. «Ах, маменька, – возражает Марья Антоновна, дочка городничего, – там написано, что это господина Загоскина сочинение». Хлестаков, нимало не смутившись, подтверждает: «Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой».

То, что в городе, из которого «хоть три года скачи – ни до какого государства не доскачешь», знают о романе Загоскина, а Хлестаков присваивает себе его авторство, – свидетельство не только уездных вкусов и хлестаковского нахальства. Гоголем зафиксирован факт необыкновенной популярности «Юрия Милославского». Позднее С. Т. Аксаков так характеризовал реакцию читателей на роман: «Все обрадовались «Юрию Милославскому», как общественному приятному событию; все обратились к Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы»¹. Роман, действительно, явился значительным литературным событием: об этом свидетельствуют первые отклики на него.

«Господин Загоскин точно переносит нас в 1612 год, – писал в рецензии на «Юрия Милославского» А. С. Пушкин. – Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши – все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни!»²

С. Т. Аксаков в своей статье о романе говорил: «...наконец словесность наша обогатилась первым историческим романом, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характеры, обычаи, нравы, костюм, язык... Это небывалое явление на горизонте нашей словесности...»³

Рецензент «Отечественных записок» нашел роман занимательным, исполненным драматического интереса, с «величайшим искусством» воссоздающим многие поверья и обычаи русской старины, многие национальные характеры⁴. Достоинства романа отмечала даже критика, не вполне доброжелательная к писателю. Так, Н. А. Полевой, один из литературных противников Загоскина, писал, что в «Юрии Милославском» «интерес в целом поддержан; события любопытны; подробности резки, и многие отделаны весьма естественно и искусно»⁵.

В первые дни после появления романа Загоскин получал письма с комплиментами, тешасими авторское самолюбие. «Поздравляю вас с успехом полным и вполне заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи», – писал Пушкин Загоскину 11 января 1830 года. «Получив вашу книгу, – писал В. А. Жуковский, – я раскрыл ее с некоторою к ней недоверчивостью и с тем только, чтобы, заглянув в некоторые страницы, получить какое-нибудь понятие о слоге вообще. Но с первой страницы я перешел на вторую, вторая заманила меня на третью, и вышло наконец, что я все три томика прочитал в один

присест, не покидая книги до поздней ночи. Это для меня решительное доказательство достоинства вашего романа»⁶.

Разумеется, односторонне преувеличивать восхищение «Юрием Милославским» не стоит. Ибо более всего радовал самый факт появления отечественного исторического романа, проникнутого, по представлениям современников, «народностью» и «русским духом» (С. Т. Аксаков). Поэтому, хотя почти все говорили о достоинствах национального содержания, об увлекательности романного сюжета, погрешности и общего и частного характера находили даже самые восторженные рецензенты. Аксаков посвятил большую часть статьи о романе критике характеров и «частным замечаниям», которых у него набралось более пятидесяти, а в письме к С. П. Шевыреву заметил, что хотя «роман Загоскина имеет большое достоинство: воображение, жизнь, теплоту и веселость, но часть художественная – в младенческом положении; глубины также нет»⁷.

Пушкин в своей рецензии отметил, что «неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно». Н. А. Полевой упрекал Загоскина в том, «что иногда лица его романа говорят не своим, несвойственным языком; что иногда сам автор слишком виден из-за них; что иногда он слишком любит нечаянности и впадает оттого в изысканность»⁸.

Загоскин, которому к моменту появления «Юрия Милославского» исполнилось уже сорок лет, до этого времени прозой не занимался и известен был как комедиограф; пьесы его шли на сценах Петербурга и Москвы. О работе писателя над историческим романом было известно еще до его выхода в свет, причем многие относились к этому скептически (недаром Жуковский за книгу Загоскина принял «с некоторою к ней недоверчивостью»). Дело в том, что хотя опыты исторической прозы в русской литературе 1820-х годов предпринимались, исторического романа среди них не было.

Конец XVIII и особенно первая треть XIX века в России вообще отмечены небывалым до того интересом к отечественной истории и «старине». Появились исторические повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792), «Марфа Посадница» (1803). Интерес этот особенно усилился к 1820-м годам, когда национально-историческая тематика находила выражение и в собственно исторических штудиях (главный исторический труд эпохи – «История Государства Российского» Карамзина), и в опытах исторической прозы и поэзии (среди них прежде всего надо выделить «Думы» К. Ф. Рылеева и незавершенный роман Пушкина «Арап Петра Великого»), а также в области драматургии («Борис Годунов» Пушкина). Трагедия Пушкина, хотя и не опубликованная во второй половине 1820-х годов, была уже достаточно широко известна в литературных кругах. В конце 1829 – начале 1830 года были изданы сразу два исторических романа – «Юрий Милославский» Загоскина и «Димитрий Самозванец» скандально известного Ф. В. Булгарина, посвященные, как и «Борис Годунов», эпохе Смутного времени.

Факт почти одновременного опубликования двух произведений в новом жанре нужно учитывать, когда мы говорим о причинах успеха романа Загоскина. Еще до появления «Димитрия Самозванца» Булгарина знали как автора «нравственно-сатирического романа» «Иван Выжигин», одинаково плохо принятого

литераторами самых разных воззрений. Булгарин уже тогда был известен как доносчик и пасквильант. К тому же произведения его оценивались взыскательным читателем «не по числу подписчиков, – как говорил Н. И. Надеждин, – а по внутреннему достоинству»⁹. Критики Булгарина обращали внимание на эстетическую неполноценность его произведений. Н. А. Полевой, например, писал, что в «Димитрии Самозванце», помимо «неверных сведений в истории», «неверных изображений характеров», отразилось и неверное его понятие о сущности романа как творения эстетического¹⁰.

То, что выгодным фоном для положительного восприятия «Юрия Милославского» послужили именно романы Булгарина, отмечалось уже в начале 1830-х годов: «...его успеху, конечно, содействовало не мало и предварительное появление «Ивана Выжигина», которого (по выражению кн. Вяземского) оставляешь как смиренный дом»¹¹, – заметил один из критиков. О том же писал Пушкин в письме к Вяземскому (конец января 1830 г.). Он хотя и положительно отзывался о «Юрии Милославском», в целом вполне трезво относился к дарованию Загоскина: «Ты бранишь „Милославского“, я его похвалил... Конечно, в нем многого недостает, но многое и есть, живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится». Примечательно, что единственная враждебная рецензия на «Юрия Милославского» появилась в «Северной пчеле», газете, редактируемой Булгариным. Рецензент советовал Загоскину не братья более за исторические романы и «не верить тем, которые станут в глаза хвалить его»¹².

В результате «Самозванец» не понравился, а «Милославский» принят был с рукоплесканием. Н. А. Полевой, которому принадлежат эти слова и который равно недоброжелательно относился и к творчеству Загоскина, и к романам Булгарина, объяснял это тем, что «эпоха 1612 года есть один из главных коньков нашего народного самолюбия... колокольчик народного самохвальства и богатства должен нравиться. И «Юрий Милославский» звонил в этот колокольчик из всех сил»¹³.

Роман Загоскина действительно отвечал обострившемуся в эти годы интересу к старине, к быту и нравам простого народа. Но прежде чем говорить о народности Загоскина, надо сказать несколько слов о жанре «Юрия Милославского», в немалой степени обусловившем эту народность.

Исторический роман, жанр новейший в русской литературе первой трети XIX века, связан был прежде всего с именем Вальтера Скотта, произведения которого явились совершенно особым этапом в развитии этого жанра. Изображение жизни частных лиц и любовная интрига, составлявшие основу романа вообще, были сохранены В. Скоттом и в историческом жанре. Однако нов оказался угол зрения, под которым он видел «частную жизнь с ее заботами и хлопотами» (В. Г. Белинский) и любовь – «верховную царицу чувств» (Н. И. Надеждин). Все «частное» дано В. Скоттом в исторической перспективе: вымышленные герои – люди прошлых столетий – действуют среди исторических лиц, участвуют в событиях, имеющих место в реальности. Особое значение в романах В. Скотта приобрели «археологические» и «этнографические» подробности: и местность со всеми особенностями, и колорит эпохи, и костюмы, и позы героев – все должно было соответствовать своему времени¹⁴. К такому же соответствию стремился романист и при изображении «старых нравов»: привычек, обычаев, понятий, предрассудков людей прошлого. С особой тщательностью воссоздавал-

ся в историческом романе бытовой и исторический фон эпохи. Это не означает, что у В. Скотта исторические события, лица, предметы воспроизводились со скрупулезной точностью, основанной только на документальных фактах. Писатель, воскрешая историю в романе с помощью художественного домысла, волен был допускать сознательные анахронизмы, переставлять даты для усиления драматизма повествования, домысливать характер исторического лица. Загоскин, следуя В. Скотту, также уплотняет события: действие романа начинается весной 1612 года, а герои только еще узнают о фактах, «исторически» уже совершившихся и, как признается сам автор, известных «в самых отдаленных провинциях царства Русского» (см. историческое замечание 3): о присяге москвичей Владиславу (август 1610 г.), об убийстве Лжедмитрия II (декабрь 1610г.), о взятии Смоленска (июнь 1611 г.). Такое смещение событий не было нарушением исторической достоверности, ибо главная задача романиста заключалась не в хронологическом воспроизведении тех или иных исторических эпизодов, а в воссоздании «духа» прошедшей эпохи. Вот почему в романах В. Скотта и его последователей на первом плане, как правило, – изображение вымышленных героев, обыкновенных людей «тогдашнего времени», их «домашний быт и вседневный ум», по выражению А. А. Бестужева (Марлинского).

События, развертывающиеся на историко-бытовом фоне, должны были увлекать читателя, который ждал от хорошего романа «занимательности для любопытства, то есть хорошо запутанных и хорошо распутанных происшествий, и занимательности для ума, то есть истины и простоты с нею не разлучной»¹⁵, «театральной занимательности» и «удовольствия»¹⁶: хороший романист «никогда не утомляет внимания читателя» (А. С. Пушкин) – он должен «заставить читателя забыть, думать, что он живет, действует вместе с действующими лицами»¹⁷. Характерны в связи с этим упреки Булгарину в том, что читатель испытывает «скуку, усталость и тоску»¹⁸ при чтении его романов (концовка одной из эпиграмм Пушкина на Булгарина: «...Беда, что скучен твой роман»).

Фон не должен был рассредоточивать читательского интереса и мешать увлекательности чтения. Но как совместить «занимательность для любопытства» с «археологией»? Для этого, по утверждению В. Скотта, необходимо было «изложить избранную вами тему языком и в манере той эпохи, в какую вы живете», то есть «переложить старые нравы на язык современности». Такое «переложение» не представляло намеренной модернизации исторической действительности, – это был род стилизации, необходимый художественный прием, действенный потому, что «важнейшие человеческие страсти», с точки зрения романиста первой трети XIX столетия, «общы для всех сословий, состояний, стран и эпох»¹⁹. «Сухая археология» могла только констатировать различия эпох, роман же обнаруживал общность страстей людей разных времен, увлекая и заинтересовывая читателя не только изображением «старины» или интригующим сюжетом, но и характерами героев.

За незнакомым бытом, костюмами, навыками и привычками читатель романа Загоскина должен был видеть не только то особенное, что отличает людей прошлого от людей настоящего, но и общее, что сближает их – те же русские чувства, которые, с точки зрения писателя, не менее значимы и в «настоящее время»: любовь к отечеству, благочестие, любовь к ближнему и т. д.

Воскрешение быта прошедших столетий, воссоздание страстей и чувств

обыкновенного человека прошлого, воплощенного в вымышленном герое, исторический фон – все это давало возможность показывать историю «домашним образом», как говорил А. С. Пушкин, вмещая «романическое происшествие» в «раму обширнейшего происшествия исторического». Особенное значение приобретала история «старых нравов», и прежде всего нравов народа. Духовная жизнь нации, начиная с произведений В. Скотта, стала неотъемлемым компонентом исторического романа²⁰.

В России 20-х годов XIX столетия зачитывались романами В. Скотта. Так, П. А. Вяземский писал о «лихорадке любопытства, тоски, жадности, увлекательности», которая «обдаёт читателя Вальтера Скотта, единственно умеющего сливать в своих романах историю поэтическую и поэзию историческую эпопеи, деятельность драмы то трагической, то комической, наблюдательность нравовучителя, орлиный взгляд в сердце человеческое со всеми очарованиями романического вымысла. Может быть, Вальтер Скотт – превосходнейший писатель всех народов и всех веков»²¹.

Последователи у В. Скотта появились в 1820-е годы «во всех просвещенных нациях»: «Успех знаменитого шотландского романиста породил соревнование...: везде явились ему подражатели, более или менее счастливые... у нас одних доселе видны были только попытки, только начинания в романах исторического рода, несмотря на богатство русских летописей в предметах и обстоятельствах истинно романических. Наконец, г. Загоскин... вполне заменил сей недостаток в нашей литературе»²². В том, что Загоскин напишет нечто «в роде В. Скоттовом», почти не сомневались и желали «посмотреть, как будет он соперничать с патриархом исторических романов»²³.

Слова соревнование и соперничать не случайно возникли в первых рецензиях на «Юрия Милославского». Идея состязания с «образцовым» автором была значима не только в XVII-XVIII веках. Правила такого соперничества требовали выполнения определенных жанровых условий. Для Загоскина это были условия исторического романа вальтер-скоттовского типа. В центре произведения – действия обыкновенных людей избранной для повествования эпохи, вымышленных персонажей; исторические лица и события – на втором плане; «автор... старается характеризовать целый народ, его дух, обычаи и нравы в эпоху, взятую им в основание его романа»²⁴. В «Юрии Милославском» можно встретить многие ситуации произведений В. Скотта, ставшие сюжетобразующими моментами исторического романа. Изображение пира в феодальном замке (у Загоскина в хоромах боярина Кручины-Шалонского), ссора на постоялом дворе (Юрия с паном Копычинским), встреча героя с незнакомцем, оказывающим впоследствии ряд услуг (встреча с Киришей), нападение разбойников, пленение героя, заточение его в подземелье, подслушанный разговор, дающий возможность предупредить замыслы тайных врагов, – схожие ситуации можно найти в таких романах В. Скотта, как «Уэверли, или Шестьдесят лет назад», «Легенда о Монтрозе», «Айвенго», «Квентин Дорвард». «Юрий Милославский» воспринимался современниками именно на фоне произведений Вальтера Скотта. Так, Пушкин не случайно начал свою рецензию с разговора о подражателях В. Скотта. А. А. Бестужев (Марлинский) отмечал, что главный герой романа – «метампсихоза Вальтер Скоттова Веверлея»²⁵. О подражании В. Скотту писали как о немаловажном достоинстве русского романиста: «Замечаем еще с удовольствием, что сие сочине-

ние («Юрий Милославский» – А. П.) в ходе своем и в расположении картин есть подражание романам знаменитого шотландца²⁶. Говорили критики и о родстве «Юрия Милославского» с произведениями американского «соревнователя» В. Скотта – Фенимора Купера, из которых наиболее известен был в России тех лет роман «Шпион».

Однако подражание превратилось бы в плагиат, не достойный внимания, если бы не было в «Юрии Милославском» оригинального сцепления «вальтер-скоттовых» и «куперовых» сюжетных ходов, умелой беллетризации повествования и национального содержания: русской истории и «археологии», русских характеров, «русской» идеи произведения.

Народ в романе Загоскина представляет собою не просто фон действия. Герои из народа – не менее первостепенны для Загоскина (так же, как и для В. Скотта), чем персонажи из высших сословий. На действиях одного из «народных» героев – Кирши – фактически зиждется вся острота сюжета («Юрия Милославского»). Внимание к народной жизни в историческом романе обусловлено тем, что народное в начале XIX века ассоциировалось с историческим. По распространенному мнению, простой народ, в отличие от образованных сословий («полуевропейцев», с которыми «народ разрознен» и которые сделались «чужие между своими»²⁷), сохранял на протяжении столетий в своем жизненном укладе исконно русские начала. Еще Карамзин в конце XVIII века утверждал, что одни только «трудолюбивые поселяне... среди всех изменений и личин представляют нам еще истинную русскую физиогномию»²⁸. И народное, и историческое в равной мере подвержены были идеализации в противопоставлении «полуевропейскому», светскому образу жизни высшего сословия. Такой идеализацией всего «истинно русского» проникнут и роман Загоскина. Современники говорили, что выказываемая писателем «любовь к отечеству» и ко всему, носящему «имя русского», «находит себе приветный отзыв в душе читателя русского»²⁹; что «Загоскин понял... свою русскою душою... что настоящий русский народный роман, как картина русской народной жизни, необходимо должен быть романом патриотическим» и что «Загоскин первый угадал тайну писать русских с натуры»³⁰; что «Юрий Милославский» «отличается необыкновенным искусством в изображении быта наших предков, когда этот быт сходен с нынешним, и проникнут необыкновенною теплотою чувства»³¹.

«Русскую» направленность своего романа беспрестанно подчеркивает прежде всего сам Загоскин: и при характеристике лучших черт национального характера (благородство, удалство, смелость, скромность, любовь к ближнему, «милость к падшему», ненависть ко всякому безначалию, неприятие иноземных обычаев, честность и, главное, – любовь к отечеству), и при изображении «типических» фигур изображаемой эпохи (казак Кирша, юродивый Митя, поп Еремей), и при характеристике психологии человека из народа («Русский человек на том и стоит: где бедовое дело, тут-то удаль свою показать»), он «в случае нужды готов удовлетворяться куском черного хлеба» и т. п.), и при описании природы («Мы, русские, привыкли к внезапным переменам времени и не удивимся скорым переходам от зимнего холода к весеннему теплу»).

Главным стимулом поступков всех положительных, «истинно русских» героев Загоскина является чувство патриотическое. Поэтому расстановка «хорошего» и «плохого» вполне однозначна – герои-защитники отечества обнаруживают

лучшие национальные черты, герои-изменники и враги наделены качествами противоположными. Рассказывая, например, о боярине Кручине-Шалонском, Загоскин не забывает заметить, что не только поступками, взглядами, привычками он выказывал презрение к «простым обычаям предков», но и своим бытом, в устройстве которого стремился к роскоши и подражанию иноземцам. Загоскин делает даже оговорку, что описание дома боярина Шалонского «не может дать верного понятия об образе жизни тогдашних русских бояр», дома которых «не удивляли огромностью и великолепием».

Ко всему же «истинно русскому» Загоскин относится чрезвычайно бережно и любовно. Как замечал О. М. Сомов, «видишь... что ему самый дым отечества сладок и приятен»³². При таком, как у Загоскина, умиленном отношении к родному прошлому видоизменяется и один мотив, свойственный избранному им жанру. В исторических романах первой трети XIX века автор нередко намеренно обращал внимание читателя на какую-либо черту мировоззрения или образа жизни человека прошлого, которая с точки зрения современной представлялась по меньшей мере скверным предрассудком даже в «положительном» герое. Так, Квентин Дорвард надменно и презрительно обращается с сарацином, «последний из моголан» Ф. Купера снимает скальпы с убитых врагов. Романисты как бы извинялись за то, что их герои, люди своего времени, следуют, как говорит Гринев у Пушкина, «варварскому обычаю». А у Загоскина все положительные персонажи не имеют «варварских» предрассудков. Зато изменники и враги наделены «дикостью», которая проявляется не только в их поступках и речах, но и в тех оценках, какими они награждаются по ходу повествования. Кручина-Шалонский, Истома-Туренин. Омляш, поляки. Лжедмитрий, казаки из таборов Трубецкого постоянно сравниваются с кровожадными животными. Так, рассказывая о любви Кручины к дочери. Загоскин попутно замечает: «и дикие звери любят детей своих»; в гневе глаза боярина сверкают, «как у тигра»; Замятня-Опалев применяет к Шалонскому слова библейского изречения о царском гневе, который подобен «рыканию Львову». Стремянный боярина Омляш «ухватками» похож «на медведя», в облике его нет «ничего человеческого», а голос «напоминал рев животного, с которым он имел столь близкое сходство». Истома-Туренин «то взглянет, как рублем подарит, то посмотрит исподлобья, словно дикий зверь». Гетман Гонсевский «желал бы, чтоб нижегородцы положили оружие, так же, как желает хищный волк, чтоб стадо осталось без пастыря и защиты». Мужество Сапеги и Лисовского названо «зверским». Лжедмитрий «спрятался» в Калугу после поражения под Тушиным, «как медведь в свою берлогу». Казаки Трубецкого после взятия Кремля «словно волки рыщут вокруг Грановитой палаты»; они рассеиваются по всей России, «как стая хищных зверей». Единственно в ком из «подлинно русских» заметны «зверские» черты – в шишах. Впрочем, они и представлены Загоскиным войском беспорядочным, склонным как к защите отечества, так и к разбою. Недаром фамилия одного из них – Зверев. Со «зверскими рожами» и «зверским хохотом» они готовы отправить на виселицу неповинную героиню.

Уподобление порочных героев хищникам – устойчивое литературное клише, восходящее к фольклору и древним литературам. В притче, басне, афоризме, пословице хищники явлены почти всегда со знаком «минус», который сопровождает их и при сравнении с ними людей. Заведомая «отрицательность» хищников

дает возможность с прозрачной иносказательностью определить характер героя и в произведениях, по жанру ничего не имеющих общего с басней или притчей. Не признающий никаких компромиссов в утверждении всего «истинно русско-го», Загоскин приходил к отчетливому разграничению с позиций своей идеи между «хорошим» и «плохим». И, не вдаваясь в психологические нюансы внутреннего мира «порочных» персонажей, он строил характеристики не только путем прямого обозначения их душевных качеств, но и с помощью аналогий, имевших устойчивую литературную репутацию.

Если «порочные» персонажи наделены «дикостью», то герои идеальные охарактеризованы исключительно с помощью положительных абстрагирующих эпитетов («бессмертный» Минин, «благочестивый» архимандрит Феодосии; «бессмертный сподвижник добродетельного Дионисия» Авраамий Палицын; у Пожарского – «величественное и вместе кроткое чело»; Юрий Милославский – «пламенный юноша», «благородный юноша», у него «благородный вид» и т. д.).

Интересно, что благородный герой нередко ставился романистами в такие положения, когда честь его подвергалась жестким испытаниям: так, Уэверли оказывается дезертиром поневоле; Квентину Дор-варду, честно служащему Людовику XI, поручается заведомо бесчестное дело. И Юрий Милославский в двусмысленном положении: с одной стороны, он присягнул польскому королевичу и по долгу присяги не должен вступать в борьбу с поляками, с другой – он, как истинный патриот, не может и мириться с тем злом, которое совершают враги отечества.

Юрий Милославский, как и его литературные прототипы в романах В. Скотта, – герой положительный и при этом наиболее бледно изображенный. Он фактически не участвует в действии. С. Т. Аксаков замечал, что «как скоро он действует с кем-нибудь вместе, он уже играет второклассное лицо: в нем нет ничего славного, сильного, увлекательного, самобытного. Его спасают, посылают, освобождают, не слушают, разрешают и венчают»³³. Подобная «второклассность» главного героя связана не только с трудностями создания положительно-го образа и восходит не только к романам В. Скотта (в «Айвенго», например, главный герой лишь дважды участвует в действии), но обусловлена самой структурой «Юрия Милославского», в которой особую роль играют фольклорные элементы. Описание быта, народных обычаев и суеверий, пословицы и поговорки, которыми усыпана речь персонажей из народа, песни, стилизованные сказки и былины, введенные в повествование, фольклоризация самого стиля (в частности, использование народных эпитетов: «шея лебединая», «сердце молодецкое» и др.), – все это должно было создавать русский колорит. Однако фольклор играет немаловажную роль и в развитии сюжета «Юрия Милославского».

С одной стороны, многое в сюжетных положениях романа заимствовано Загоскиным у В. Скотта, но с другой – «Юрий Милославский» восходит не только к сюжетной системе исторического романа, но и к жанру фольклорному – народной сказке. Сходство со сказкой было замечено уже современниками, хотя и в негативном плане. Н. А. Полевой среди ошибок Загоскина выделял ту, что «вместо изображения души человеческой» автор занимает читателя «сказочными случайностями»³⁴. Но связь со сказкой, видимо, не только результат неумения Загоскина проникать в глубины психологии человека, отчего внимание читателя